

ЯПОНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ В XII—XVI вв.

Александр Федорович ПРАСОЛ,
кандидат филологических наук

Прежде всего уточним временные границы рассматриваемого периода. В отличие от европейской историографии, определяющей средневековье с конца V в. (распад Римской империи) до середины XVII в. (завершение периода феодализма в более развитых странах), японская историческая наука относит к средним векам период с конца XII в. (становление Камакурского сёгуната) до второй половины XIX в. (реформы Мэйдзи). Эти почти семь столетий часто разделяют на два составляющих отрезка — раннее (до 1603 года) и позднее средневековье, используя для их обозначения термины *тюдэй* и *кинсэй* соответственно. В данной статье автор придерживается японской периодизации.

Первая половина средних веков, с точки зрения становления японской системы образования, была наименее оформленным, переходным периодом. В это время окончательно завершила свое существование успешно работавшая в течение двух столетий образовательная система *рицурё*, но еще не начали складываться организационные формы, впоследствии положенные в основу современной системы образования.

В XII—XIII вв. наибольшее распространение получили клановые научные школы (*кагаку*). Они во многом были полной противоположностью предшествовавшей системе обучения, в высшей степени организованной и централизованной. В этой системе главными звеньями были столичные школы *дайгакурё*, *тэнъякурё* и *гагакурё*, в которые принимали не всех, но всех принятых учили одинаково. Принцип эгалитарности строго соблюдался в процессе обучения и на экзаменах, а после окончания школы успех ученика определялся показанными результатами. Этим же принципом руководствовались в провинциальных школах *кокугаку*, дававших образование детям местной родовой знати. В противоположность этому, клановые школы были в высшей мере антиэгалитарны: в них принимали только «своих» учеников, принадлежащих к данному клану или роду, учили их только «свои», преданные роду учителя, и только «своим», признанным единственно правильными наукам. Групповщина и семейственность отличали не только сферу обучения, но и все другие стороны жизни японского общества того времени. Интересы рода превалировали над всеми прочими в любой области. Сами слова со значением «род», «семья», «дом», «клан» получили небывалое распространение. На их основе было образовано и имело широкое хождение огромное количество новых понятий, регулирующих жизнь общества. Келейная наука породила множество тщательно охраняемых от чужаков «клановых научных секретов», о которых были написаны тома «клановых научных книг», столь же тщательно охраняемых.

Другая особенность эпохи была тесно связана со сменой правящих элит. Придворная аристократия оттеснялась от власти усиливающейся военной арис-

тократией и забирала с собой свои культурные ценности. Удаляясь от воинского сословия и не приближаясь при этом к простолюдинам, старая аристократия сужала сферу действия культурных и образовательных традиций, замыкала их на себя, продолжая гордиться своей культурой и образованием и презирав как новоявленных властителей, так и простой люд. Постепенно культурные традиции стали утрачиваться, количество подготовленных в старой системе учителей и их учеников — сокращаться. Основным ценностным ориентиром нового правящего сословия, особенно в ранний период, была военная сила.

Таким образом, раннее средневековье характеризовалось сочетанием элементов старой, уходящей образовательной системы *рицурё* с еще не оформившимися как следует элементами будущей системы обучения. Для этого времени характерна эклектичность и неоднородность форм и методов просветительской деятельности. В предшествующую эпоху придворная аристократия создала приемлемую для себя систему обучения. В последующие столетия класс военных феодалов создаст свою систему, основными элементами которой станут княжеские школы *ханко*, храмовые школы *тэракоя*, местные школы *кёко* и частные школы *сидзюку*. В первой половине средних веков образование и просвещение еще не имели устойчивых организационных форм.

Гакумондзё, кангакуин и бунко как очаги просвещения

В отсутствие таких форм роль своего рода опорных пунктов в развитии науки и образования выполняли несколько типов заведений. Это в первую очередь школы-резиденции *гакумондзё*, школы при буддийских храмах *кангакуин* и книгохранилища *бунко*.

Школы *гакумондзё* зародились как частные курсы, которые состоятельные родители открывали для своих детей. По разным причинам их дети не могли рассчитывать на обучение в закрытых клановых школах, а желание и средства дать им образование у родителей были. Обычно они нанимали известных ученых и устраивали постоянно действующие курсы прямо у себя дома, выделяя для этой цели специальное помещение. Иногда такое помещение снималось на стороне, часто при храме. Для *гакумондзё* трудно подобрать подходящее название, потому что они выполняли разные функции. Это были не только и, может быть, не столько школы, сколько культурно-просветительные заведения, дававшие возможность приобщиться к возвышенным и освященным стариной знаниям. Позднее *гакумондзё* стали открывать в самых разных местах, в том числе и в резиденциях правителей. Их предоставляли во временное пользование для работы видным ученым, в них давал аудиенцию глава рода или верховный правитель, принимая почетных гостей или подданных. Здесь от его имени посетителю подносилась ритуальная чашка сакэ. Таким образом, *гакумондзё* со временем стали выполнять функции школы, рабочего кабинета ученого, книгохранилища, культурного центра и почетной приемной для высоких гостей. Позднее, к концу XIV в., главное назначение *гакумондзё* стали усматривать в том, чтобы служить местом уединенных занятий конфуцианскими науками для членов семьи удельного князя. Здесь же они учились изящным наукам — музыке, танцам, каллиграфии и японской поэзии. С течением времени акцент в использовании *гакумондзё* вновь сместился: в них стали проводить торжественные церемонии и празднества с участием высокопоставленных персон. Эта тенденция была доминирующей во второй половине средних веков. Наследников верховных правителей здесь уже не учили, а лишь устраивали торжественные ритуалы и церемонии. Самыми древними *гакумондзё* в Японии считаются те, которые восходят к сдаваемым внаем для обучения помещениям при храмах. Есть сведения о том, что их использовали в период наибольшего расцвета клановых школ как в учебных целях, так и при проведении церемоний. *Гакумондзё* при дворах высокопоставленных правителей появились позднее¹.

Славу самого древнего и известного в Японии *гакумондзё* имеет *Киото-госё*, история которого начинается в 70-х годах XIII в., а само здание и того старше — оно было выстроено в 794 г. и было частью резиденции императора. За свою долгую историю *Киото-госё* много раз разрушалось и вновь отстраивалось, в его помещениях бывали Тоётоми Хидэёси и Мацудаёра Саданобу. В настоящее время *Киото-госё* имеет статус исторического памятника и занимает в Киото площадь 11 225 кв. м. Дважды в год, в конце апреля и в середине октября, его двери сроком на пять дней открываются для свободного посещения².

Исторически достоверен факт основания собственной резиденции в одном из *гакумондзё* г. Киото сёгуном Асикага Ёсимаса (1436—1490) в 1451 г.³ Так же поступил Тоётоми Хидэёси (1537—1598), открыв *гакумондзё* в замке Фусими-момоёма⁴.

Близость к резиденциям правителей еще раз сыграла свою роль в судьбе *гакумондзё* во второй половине средних веков, когда центральное правительство *бакуфу* обратило свой взор на сферу образования. В русле преобразований 90-х годов XVIII в., известных как реформы периода Кансэй (1789—1801) и связанных с возобновлением контактов с внешним миром после периода самоизоляции, одна из старейших школ страны, столичная *Сёхэйдзака гакумондзё* (другое название *Сёхэйко*) была реформирована, отстроена и переподчинена центральному правительству. Таким образом, *Сёхэйдзака гакумондзё* из школы конфуцианского течения *Ринкэ* превратилась в государственное учебное заведение, работа которого полностью финансировалась и контролировалась чиновниками правительства и которую лично посещал сёгун. Управляющий школой также получил высокий статус государственного чиновника. Первоначальный план реформирования был направлен на создание элитной школы для обучения только прямых вассалов сёгуна и их детей, но немного позднее круг принимаемых был расширен за счет приближенных к научной школе *Ринкэ* и представителей провинциальных правящих кланов, подчинявшихся центральному правительству. *Сёхэйдзака гакумондзё* просуществовала вплоть до реформы Мэйдзи и незадолго до закрытия в 1870 г. получила статус высшего учебного заведения.

Школы типа *гакумондзё* зародились в период расцвета и борьбы между собой клановых научных школ, поэтому на протяжении всей своей истории они сохраняли статус очень немногочисленных, специально отведенных мест для уединенных занятий наукой. Во многом именно поэтому они не имели предпосылок для преобразования в школы массового типа в новое время.

Пик распространения буддизма в Японии пришелся на середину периода Хэйан, и примерно с этого же времени начался рост школ при буддийских храмах, которые называли *кангакуин* (не следует путать с известной клановой школой рода Фудзивара, которая тоже называлась *Кангакуин*). Буддизм имел множество сект и течений, и на фоне ускоренного распространения буддийского вероучения борьба между ними обострилась. Одной из форм этого соперничества и стало создание школ при главных храмах (*хондзан*), представлявших то или иное течение буддизма. В школы направляли на учебу монахов из других храмов, а также принимали всех желающих из числа служителей культа. В группу обычно набирали от 10 до 30 слушателей. Лекции для них читали по очереди священнослужители высших рангов и званий. На время учебы слушатели должны были жить при храме в специально выделяемых для этой цели кельях. Содержание лекций составляли основные постулаты буддийского учения в трактовке данной школы. В отличие от элитных *гакумондзё* здесь всех обучали одному и тому же, в равных условиях. Обучение было открытым и эгалитарным. Особо нужно отметить то, что лекции мог свободно посещать не только зачисленный на учебу, но и любой другой слушатель того храма, при котором работала школа.

Главной формой обучения была лекция-проповедь, которую называли *данги*. Основное требование к лектору — умение в простой и доступной форме донести до слушателя суть основных буддийских постулатов. К присутствующим на лекции предъявлялись требования дисциплинарного характера. Из дошедшего до наших дней устава школы *Конго саммайин*, одной из самых древних и известных, следует, что слушателям во время лекции запрещалось разговаривать между собой или думать о посторонних вещах и предписывалось вникать в содержание лекции. Кроме того, они обязаны были своим поведением не нарушать гармонии с другими слушателями, в учебных помещениях проявлять почтительность к старшим и заботу о младших. Через 34 года (!) после написания устава в него был добавлен еще один пункт. Он предписывал каждый раз определять с помощью жребия слушателя, который должен был на уроке продемонстрировать выполнение домашнего задания, то есть прочитать отрывок из трактата. Этот же пункт запрещал передачу листка со жребием другому ученику⁵. По таким фрагментам мы сегодня узнаем, что уже в то время в *кангакуин* были семинарские занятия, и их проведение тщательно регламентировалось.

Среди буддийских школ этого типа кроме названной *Конго саммайин*, учрежденной в период Камакурского сёгуната Ходзё Токимунэ (1251—1284) в 1281 г., известными считаются школа при храме *Кокуфукудзи* в г.Нара (открыта в 1284 г.), школа при храме *Хорюдзи* (середина — вторая половина XIV в., г.Нара), школы при храмах *Миидэра* (1312 г.), *Тодзи* (г.Киото), *Ёнкакудзи* (г.Камакура), *Гокуракудзи* (г.Камакура), *Дзэнцудзи* и др.

В школах *кангакуин* обучали не только буддийскому ритуалу и основам вероучения, но и давали навыки грамоты, счета и практических ремесел, причем с течением времени доля последних неуклонно возрастала. Этот вид образования позднее стали называть храмовым светским обучением.

Сохранившиеся документы и устав школы *Сэйкёсё* дают представление о содержании учебы и возрасте учеников. Из них следует, что в школу принимали детей в возрасте от 7 до 10 лет и учили до 13. В зависимости от возраста поступления период обучения мог длиться от 4 до 7 лет. Семилетние дети на первом году изучали мораль по «семейным наставлениям» (*какун*), а на втором приступали к грамоте. Занятия проходили с 6 часов утра до 3 дня. По автобиографическим воспоминаниям одного из учеников школы можно судить об учебном процессе. Он поступил в 13 лет и закончил школу в 16. В первый год осваивал слоговую азбуку и учился писать несложные иероглифы, читал простые буддийские тексты. На втором году основным стало чтение китайской классики, а письмо отошло на второй план. На третьем году изучал японскую поэзию, читал японскую классическую литературу и учился писать сложные иероглифы, совершенствовался в эпистолярном стиле⁶.

Все ученики школы *кангакуин* делились на две категории: тех, кто жил и учился при храме, и приходящих учеников, которые посещали занятия, но жили в своих семьях. Последние обычно были старшими детьми, и им предназначалась роль наследников семейного дела. Эта форма обучения возникла позже: принимать детей на полный пансион при храмах начали со второй половины периода Хэйан, в то время как приходящие ученики появились в начале периода Камакура. Именно эта форма позднее трансформировалась в идею обучения при храмах всех желающих. Посещение *кангакуин* как форма обучения оказала заметное влияние на формирование многих известных деятелей Японии XVI в. Так, например, известно, что в таких школах учились будущий сёгун Токугава Иэясу (1542—1616), один из основателей клана Ёнэдзава, удельный князь Уэсуги Кэнсин (1530—1578), крупный военачальник эпохи междоусобных войн, подчинивший себе несколько удельных княжеств Такэда Сингэн (1521—1573), известный военачальник Курода Ёситака (1546—1604) и многие другие. К этому времени значительно увеличилось также число вы-

ходцев из простых сословий, прошедших обучение в *кангакуин*. Рост популярности этих школ объяснялся, с одной стороны, возросшей потребностью в обучении основ грамоты и ремесел среди простого населения, а с другой — отсутствием дискриминации учеников по социальному происхождению. Равенство в обучении и большая доля практически полезных знаний и навыков выгодно отличали обучение в школах *кангакуин* и от *дайгакурё* и от клановых школ *кагаку* прежнего времени. Многие принципы организации школ при буддийских храмах в дальнейшем получили свое развитие в таких формах школьного обучения, как *тэракоя* и местные сельские школы *кёко*.

В период раннего средневековья в среде высшей аристократии и священнослужителей сложилась традиция собирать древние рукописи в личных библиотеках. Иногда библиотеки занимали часть жилых помещений, иногда для них строили специальные пристройки. Их называли *бунко*, что в точном переводе означает «книгохранилище». Традиция создания и приумножения личных книгохранилищ получила свое развитие и в последующие века. В качестве наиболее известных примеров можно привести книгохранилище *Нагоэси бунко*, собранное Миёси Ясунобу (1140—1221), *Мацугаяцу бунко* (связывается с именем Сасукэ Токимори), книгохранилище без собственного названия, собранное Нагаи Хидэмунэ. Однако самым известным *бунко* эпохи военного феодализма, оставившим наибольший след в истории образования страны, является *Канэсава бунко*. Его основателем считается военачальник позднекамакурского периода по имени Ходзё Санэтоки (1224—1276), почитавший науки и просвещение. В молодые годы он сам учился в элитной клановой школе известного в южных районах Японии рода Киёхара, которую возглавлял Киёхара Норитака (1199—1265). В последние годы жизни Ходзё стал затворником и полностью посвятил себя переписыванию наиболее ценных трактатов. Вероятной целью его огромной работы было спасение источников от возможного пожара. После смерти Ходзё Санэтоки его сын Акитоки, а затем и внук Садааки продолжили дело отца и деда, в результате чего их усилиями была собрана огромная по тем временам библиотека. Впоследствии она была открыта для публики. Известность и значение библиотеки были столь велики, что после того, как род Ходзё в результате военного поражения прекратил свое существование, ее сохранили и передали буддийскому храму *Мёсёдзи* в г.Нара. К середине XIV в. она насчитывала около 20 000 томов, среди которых были и настоящие раритеты. В дальнейшем ее источниками широко пользовались многие поколения ученых священнослужителей. *Канэсава бунко* сыграла большую роль в деле сохранения культурных традиций прошлого. Для филологов и историков XIX—XX вв. она стала настоящей сокровищницей. В 1955 г. в здании этого книгохранилища, расположенного в г.Иокогама, был открыт исторический музей.

Таким образом, в период раннего средневековья класс военных феодалов, с одной стороны, занимался освоением созданной предшественниками системы культурных ценностей, а с другой — постепенно создавал собственные традиции в обращении с культурным наследием прошлого. Многие из этих традиций получили свое развитие в позднее средневековье периода Токугава.

Становление слоговой азбуки

В этот период продолжался процесс адаптации заимствованной китайской письменности. Он был направлен на создание системы знаков, которая помогла бы устранить главный недостаток китайского письма в Японии — большое количество совпадающих по звучанию, но разных по значению иероглифов. Такая система не только облегчала бы практическое использование письменных знаков, но и значительно упрощала процесс их усвоения. Первые попытки создания собственной слоговой азбуки, в которой был реализован

принцип «одно звучание — одно значение», относят к концу периода Нара — началу периода Хэйан. Автор ее неизвестен. Азбука состояла из 48 иероглифов, за каждым из которых было закреплено одно чтение, причем оно могло быть и «онным» и «кунным». Например, иероглифы *ан* / *ясуи* и *ка* / *куваэру* читались «по ону» (*а* и *ка* соответственно), а числительное *сан* / *ми* со значением «три» и существительное *дзэ* / *онна* со значением «женщина» — «по куну» (*ми* и *мэ* соответственно). Таблица начиналась с иероглифов *амэ* «небо» и *цуги* «земля», от которых и пошло ее название⁷. Впервые она встречается в литературном памятнике «Уцубо моногатари». Кроме *амэцуги* азбука имела и другие названия. Её называли также *магана*, или *манъёгана*. Слово *магана* означало «истинный знак» и отражало тот факт, что знаки таблицы совпадали с собственно иероглифами. Название *манъёгана* закрепилось вследствие активного использования знаков таблицы при составлении литературного сборника «Манъёсю».

Азбука *амэцуги* пользовалась большой популярностью среди хэйанской аристократии вплоть до середины этого исторического периода. Иероглифы в то время были разделены на две категории: предназначенные для усвоения мужчинами и женщинами. Но до их изучения и мужчинам, и женщинам надлежало освоить азбуку *амэцуги*.

Во второй половине эпохи Хэйан на смену *амэцуги* пришла азбука *ироха-ута*, имевшая небольшие отличия. Она была выстроена в форме стихотворного произведения, состоящего из чередующихся пяти- и семисложных строк. Ни один знак таблицы не повторялся дважды. Для записи использовали не иероглифы, а знаки хираганы. Ритмический рисунок построения облегчал запоминание таблицы. *Ироха-ута* состояла из 47 знаков: в ней было устранено дублировавшееся обозначение звука э, который входил в А и столбец Японского алфавита и соответственно имел два разных написания.

Слоговая азбука *ироха-ута*

いろはにほへとちりぬるをわ
かよたれそつねならむうゐの
おくやまけふこえてあさきゆ
めみしゑひもせす

Обе эти азбуки были несовершенными — они не имели единого принципа построения, отбор иероглифов и закрепляемых за ними чтений был случайным и непоследовательным. Это приводило к тому, что одни и те же знаки таблицы фиксировались на письме разными иероглифами. Особенно часто эта путаница возникала в ранний период, и потребовалось немало времени для формирования таблицы в том виде, в каком она сегодня известна историкам.

Однако несмотря на все эти вполне естественные недостатки, создание первой слоговой азбуки имело большое значение. Во-первых, оно отразило тот факт, что общество пришло к пониманию необходимости иметь собственную слоговую азбуку, которая приводила бы в соответствие минимальные единицы устного и письменного вариантов языка. С этого момента слоговая азбука как базовый элемент системы письменности становится независимой в своем развитии. Во-вторых, создание азбуки, хотя и несовершенной, намного облегчило процесс обучения грамоте, что способствовало более быстрому распространению навыков чтения и письма в обществе и, в конечном счете, послужило толчком в развитии культуры. Первые слоговые таблицы *амэцуги* и *ироха-ута* подготовили почву для создания на их основе более совершенных слоговых азбук. Последовательность возникновения разных вариантов слоговых азбук выглядит следующим образом: *амэцуги* — *катакана* — *хирагана* — *ироха-*

ута. Самая древняя из сохранившихся таблиц катаканы относится к самому началу XI в. Что касается современного варианта каны, то его основы были заложены в 1776 г. с выходом в свет работы Мотоори Норинага (1730—1801) «Дзион канадзукан», а окончательно он сложился к середине XIX в.

Эпистолярные образцы ораймоно

Еще одной ступенью при переходе от китайской к собственно японской системе письма стали руководства по написанию писем, или письмовники, по-японски называемые *ораймоно*. Составление первых *ораймоно* относят ко второй половине XII в. Это совпадает по времени с появлением азбуки *ирохата* и распространением хираганы.

Первые письмовники представляли собой собранные в пары отдельные эпистолярные образцы — письмо и ответ на него. Позднее стали составлять объемные сборники образцов писем, рассчитанные на весь год с учетом сезонных событий, празднеств и церемоний. На начальном этапе их использовали как учебники грамоты. Среди *ораймоно* были написанные и в чисто китайском стиле *камбун*, и на смешанном японо-китайском варианте письма.

Письменные послания в то время играли очень важную роль. В обществе, жестко поделенном на сословия и ранги, общаться «просто так» дозволялось только равным по статусу, хотя и это было непросто в силу многочисленных этикетных требований. От высших к низшим могли спускаться только распоряжения, в обратном направлении могли идти лишь доклады и прошения. Во всех случаях форма обращения регламентировалась, и движение информации было односторонним. Для двустороннего общения требовались специальные формы. Такие формы и вводились в качестве образцов с помощью *ораймоно*. Само это слово состоит из двух корней со значением «двигаться туда и обратно, курсировать» и «вещь, предмет».

Зачастую письменное послание было единственно возможной формой обращения, которая давала возможность за счет витиеватости стиля и изысканности форм, выражающих максимальное самоуничижение в сочетании с почтительностью к адресату, довести до его сведения суть дела и добиться какого-то решения. Кстати, это соотношение между письменной и устной формой общения во многом сохранило свои пропорции и особенности в современной Японии. Специалисты по японской культуре единогласны во мнении, что трудно сегодня найти другую страну мира, жители которой писали бы друг другу так много выдержанных по форме писем и открыток, и в то же время с таким трудом вступали бы в устный контакт с малознакомым человеком. По словам самих японцев, они и сегодня подвержены действию нормы этикета, которая запрещает им первыми начинать разговор с малознакомым и тем более незнакомым собеседником, если заранее известно, что он занимает более высокое в каком-либо смысле положение.

Таким образом, письмовники были важнейшим и совершенно необходимым элементом не только письменной культуры, но и культуры вообще. Первоначально потребность в овладении правилами переписки испытывали только аристократы и ученое духовенство, но позднее она распространилась на большую часть японского общества. Письменная переписка стала не только формой общения, но и формой решения многих больших и малых вопросов повседневной жизни. Этот статус она во многом сохраняет и сегодня.

Эпистолярный стиль досконально изучался и в самом первом учебном заведении для аристократов *дайгакурё*, ему уделяли много внимания в частных школах *дзюку*. Впоследствии эта традиция только сохранялась и закреплялась. Совершенно естественным считается то, что сегодня в среднем по величине книжном магазине на специальной полке одновременно стоит около десяти наименований различного рода руководств и пособий по написанию писем на все случаи жизни. В крупном магазине их в два-три раза больше.

Наиболее известным из сохранившихся с древних времен пособий по эпистолярному стилю считается классический сборник «Мэйго орай», составленный во второй половине XI в. За свою долгую историю он накопил множество названий, из которых чаще всего встречаются «Унсю орай» и «Унсю сёсоку». Составление сборника приписывается Фудзивара Акихира (989—1066), ученому-аристократу второй половины Хэйана, который с свое время занимал пост министра-ректора в *дайгакурё*. В сборнике собраны как реально написанные письма, так и составленные специально в качестве образцов. По требованиям того времени, письма разбиты на пары по принципу «письмо — ответ» и охватывают очень широкий круг тем и предметов. Есть письма, извещающие о повышении по службе, предстоящем храмовом празднестве, проведении конкурса стихосложения, музыкального вечера и т.п. Больше всего образцов личной переписки между придворными аристократами (в том числе письма женщин) и представителями духовенства. Всего в сборнике насчитывается 211 эпистолярных образцов.

Среди наиболее известных письмовников, считающихся классическими, следует отметить еще четыре: «Кансёдзё орай», «Дзюнигэцу орай», «Синдзюнигэцу орай», «Гокэй орай». Первый был составлен в конце периода Хэйан, второй — в начале Камакура, а третий и четвертый — в конце Камакура. Наиболее представительным и известным среди них считается «Дзюнигэцу орай», состоящий из 12 пар писем, по одной паре на каждый из 12 месяцев. Начинается пособие с образца поздравления по случаю наступившего Нового года (январь), а заканчивается поздравлением по случаю завершения ухода года (декабрь). Считается, что «Дзюнигэцу орай» был составлен для детей аристократии и имел целью не только научить грамоте и навыкам эпистолярного стиля, но и приучить к традициям и ритуалу, чему всегда придавалось очень большое значение.

С течением времени каноны эпистолярного жанра претерпевали изменения. Если самый ранний по времени создания сборник «Кансёдзё орай» предписывал обмен письменными приветствиями по случаю, главным образом, календарных дат, связанных с сезонными изменениями, природными и социальными, то в последующих письмовниках главное место занимают уже ритуальные мероприятия, связанные с жизнью правящего дома или празднованием установленных им дат (*сэтиэ*), а также храмовых праздников. Это отражало изменения в приоритетах обучения, среди которых на первое место вышла ранняя социализация будущих представителей правящего класса.

В качестве примера приведем содержание письменных приветствий из сборника «Кансёдзё орай»⁸.

Январь Поздравление по случаю наступившего Нового года

Февраль Поздравление с наступлением середины весны (второй месяц по лунному календарю)

Март Приветствие по случаю начала полевых работ с целью установления доброжелательных отношений с адресатом

Апрель Дружеское приветствие для закрепления взаимной симпатии

Май Приветствие без специального повода

Июнь Поздравление по случаю середины лета

Июль Дружеское приветствие без специального повода

Август Послание с вознесением благодарности щедрой осени

Сентябрь Послание с выражением дружеских чувств

Октябрь Послание для закрепления дружеских чувств

Ноябрь Приветствие для закрепления дружеских чувств

Декабрь Приветствие для закрепления дружеских чувств

К середине XIV в. стали появляться письмовники, соединявшие в себе свойства учебников эпистолярного жанра и семейных моральных наставлений. Типичным и наиболее известным среди них является сборник «Тэйкин орай», который продолжал использоваться на протяжении пяти веков, вплоть до реформы Мэйдзи. Он имел классическую структуру: 12 пар писем (по одной в месяц), плюс образец поздравления по случаю праздника поминовения предков *обон*, отмечаемого в середине августа и занимающего второе по значимости место после Нового года. Учебная ценность пособия состояла в том, что кроме образцов переписки оно включало словарь наиболее употребимых выражений и оборотов. Историческая ценность — в подробном описании всех случаев и поводов, требующих письменного послания. Это описание дает представление об основных событиях общественной жизни средневековой аристократии. По модели «Тэйкин орай» было составлено множество других эпистолярных пособий. Наиболее известными среди них считаются «Исэй тэйкин орай», «Синсэн югаку орай», «Синсэн руйдзю орай» и «Кайгэнсё».

Стремительный рост количества эпистолярных пособий и их быстрое распространение в среде военно-феодалной аристократии свидетельствовали о понимании ею значения образования для правящего класса. С другой стороны, пособия *ораймоно* отразили на своих страницах изменения, происходившие в ремесленном производстве и торговле в те годы. Если в изданном первом пособии «Тэйкин орай» было 964 новых лексических единицы, вошедших в употребление в этих сферах деятельности, то в составленном позднее пособии «Синсэн руйдзю орай» их было уже 4105, а в кратком «Кайгэнсё», содержащем всего семь образцов писем, — 3021⁹.

Стилистической особенностью эпистолярных образцов *ораймоно* была их предельная формализованность. Полное следование канону и отсутствие индивидуальных особенностей стиля считались достоинством. Примерно к концу XIV в. каноны эпистолярного стиля изменились, но почтение к двусторонней форме переписки (письмо — ответ) и этикетная норма в отношении временного интервала между посланиями (одно в месяц) сохранились в неизменности и определили эпистолярные традиции в японском обществе на столетия вперед. Все созданные в более позднее время пособия, в том числе и упоминавшееся «Тэйкин орай», составление которого относится к концу XIV — началу XV в. и приписывается ученому монаху по имени Гэннэ (?—1350), сохранили эту традицию, предписывающую в качестве этикетной нормы одно послание в месяц. Отличие более поздних образцов письма заключалось в большем внимании к сути изложения при прежнем почтении к форме. Эта модель с минимальными изменениями сохранялась вплоть до реформы Мэйдзи.

Значение письмовников *ораймоно* состояло в том, что они заложили основные принципы эпистолярного стиля как формы общественной жизни, во-первых, и придали ей высокий социальный статус, во-вторых.

Семейный уклад и воспитание

Понятие семьи в средневековой Японии и правила, регламентирующие поведение ее членов, сформировались под сильным влиянием власти военно-феодалной аристократии. Классическая трактовка семейного устройства того времени исходила из того, что семья прежде всего — это звено в длинной цепочке бытия, направленной от предков к потомкам. Каждый член семьи занимает в этом звене в данный момент какую-то позицию, и все его действия должны согласовываться с нормами и правилами, установленными для этой позиции и соблюдавшимися предками. Правила регламентировали не только отношения в семье между ее членами, но и взаимоотношения с людьми за пределами семьи. Таким образом, главный смысл существования отдельного члена семьи виделся в том, чтобы содействовать укреплению ее жизнеспособности и расширению сферы влияния во внешнем мире, насколько это возмож-

но. Только заняв свою ячейку в семейном устройстве и выполняя должным образом свои функции, член семьи мог добиться уважения внутри семьи и вне ее. Эмоционально-родственные связи, присущие любому семейному образованию, находились на втором плане.

Как и вся организация семьи, воспитание детей было направлено в первую очередь на то, чтобы впоследствии их силами возможности семьи во внешнем мире расширялись и приумножались. Сразу после рождения ребенок получал свою персональную позицию в семейной иерархии, которая определяла всю его будущую жизнь. Основными позициями были: старший сын, второй сын, третий сын, старшая дочь, вторая дочь и т.д. Бытующее в Японии и сегодня непересечение счета по мужской и женской линиям объясняется именно тем, что традиционно слишком разнились их семейные роли. С самого рождения ребенок должен был воспитываться в соответствии со своим будущим предназначением в семье. Так, приемы и методы воспитания первого сына заметно отличались от воспитания второго, не говоря уже о той пропасти, которая разделяла воспитание мальчиков и девочек. По сравнению с древним периодом японской истории эта система воспитательных мер и приемов в средние века была отшлифована и продумана до мельчайших деталей. В частности, в семьях военных аристократов была распространена целая система мер пренатального, или дородового воспитания будущих наследников. Обобщая опыт предшествующих поколений, философ и просветитель первой половины XVII в. Накаэ Тодзю (1608—1648), в частности, в своем трактате «Кансо» писал: «Пренатальное воспитание — это пестование ребенка еще в утробе матери. Оно имеет своей целью формирование таких человеческих качеств, как честность и доброта, поэтому будущей матери следует всячески избегать малейших отрицательных эмоций. Нужно следить за питанием и правильной осанкой, избегать всего неприятного на вид и на слух. Читать следует о мудрых и достойных людях прошлого или же классическую художественную литературу. Каждая мать желает, чтобы ее дети были умными и красивыми, но многие не знают о дородовом воспитании и не практикуют его, оттого и результаты зачастую неудачны»¹⁰.

Забота о воспитании полноценного поколения наследников начиналась с установления брачного возраста. Если в древние века мальчики могли вступать в брак с 15, а девочки — с 13 лет, то уже начиная со второй половины XI в. брачный возраст для девушек поднимается до 18 лет. Это объяснялось необходимостью полного духовного и физического созревания молодой матери к моменту рождения ребенка. По законам того времени запрещалось вступать в брак в мае, так как этот месяц по старому календарю был серединой лета и считался неблагоприятным для начала новой жизни с точки зрения соотношения длины дня и ночи, а также фаз луны. Наиболее удачным временем для свадьбы считались весна (февраль) и осень (август). Независимо от того, насколько эти представления соответствовали действительности, их однозначное толкование и повсеместное соблюдение говорят о многом.

После заключения брака особенно жесткие требования предъявлялись к женщине. Наличие или отсутствие мира между супругами однозначно связывалось с достоинствами или недостатками жены. Добропорядочный и ответственный муж должен был выгнать жену из дома, если не мог добиться от нее послушания, ибо считалось, что если между мужем и женой нет согласия, то в такой семье не могут вырасти достойные дети, а это ставило под угрозу будущее всей семьи.

В средневековой Японии новорожденный ребенок попадал в мир, где все люди были поделены на четыре класса: родовая аристократия, военная аристократия, простолюдины, делившиеся на крестьян и ремесленников, и зависимые люди. Поэтому уже при рождении жизненный путь каждого был в общих чертах предопределен. Японская пословица гласит, что «с семи лет мальчик

девочке не ровня», однако в действительности система мер отдельного воспитания вступала в действие практически сразу после рождения. Так, рекомендации по кормлению детей в семьях аристократов предписывали мальчиков кормить без ограничений до семи лет, а девочек — только до трех, после чего количество кормлений следовало сократить до 2—3 раз в день. Различались и многие церемонии, в большом количестве сопровождавшие детей в течение первых лет жизни. Например, сразу после рождения проводилась церемония отпугивания злых духов от новорожденного (*мэйгэн*), состоявшая в имитации стрельбы из лука. Тетиву пустого лука, без стрелы, оттягивали и имитировали выстрелы по злым духам. Для мальчиков символический выстрел производился трижды, для девочек — дважды.

Вся ответственность за благополучие и безопасность ребенка возлагалась на мать. Его болезнь или травма расценивались как упущение женщины и свидетельствовали в глазах окружающих о ненадлежащем исполнении ею своих семейных обязанностей. До пяти—шести лет мать обязана была всюду сопровождать ребенка и ни на минуту не выпускать его из поля зрения.

Домашние детские игры также были заимствованы из Китая. Наиболее распространенными среди мальчиков были запускание бумажного змея (*такоагэ*) и скачки на бамбуковых палках, символизирующих коней (*такэума*). Девочки занимались рисованием, вышивкой, составлением ароматических букетов, играли в ракушки (игра называлась *каиавасэ* и имела сходство с домино), в существующую и поныне игру *го*, в *сугороку* (бросая кости, игроки двигают фигурки по доске) и некоторые другие.

По мере взросления мальчиков в семьях самураев начинали учить обращению с оружием, грамоте, кодексу поведения воина и речевому этикету. Последние два пункта были очень важны в сословном средневековом обществе, так как обеспечивали умение правильно общаться и строить отношения с представителями высших и низших сословий. Основу этикета составляло знание главных церемоний, через которые обязан был пройти за свою жизнь каждый аристократ, ежегодно проводимых ритуальных празднеств и норм поведения в повседневной жизни. Основными церемониями жизненного цикла взрослого аристократа считались: достижение совершеннолетия (*кан*, по названию специального головного убора, надеваемого юноше в этот день), помолвка (*кон*), смерть (церемония похорон *со*) и следующая после похорон серия церемоний в память обо всех усопших предках (*сай*). Этот цикл ритуальных церемоний так и называли *кан-кон-со-сай*.

Нормы морального кодекса военной аристократии сформировались к концу XIV в. (начало периода Муромати) и в основном оставались неизменными вплоть до реформы Мэйдзи. Их историческое назначение состояло в поддержании стабильности и неизменности общественного устройства. Позднее, во второй половине средних веков, конфуцианство как идеологическая основа управления обществом и государством окончательно вытеснила буддизм. Рациональность, иерархичность, почтение к наукам и опора на силу стали ведущими принципами правления военной аристократии в течение нескольких веков.

Семейные наставления как инструмент нравственного воспитания

К XIII в. в крупных родовых кланах одно за другим начинают появляться дидактические сочинения, или семейные наставления (*какун*), в которых патриархи рода аккумулируют свой жизненный опыт и формулируют те жизненные принципы и правила, которые позволили им и их семьям добиться общепризнанного успеха. Основным мотивом их появления считается желание уходящих патриархов передать будущим поколениям своего рода рецепт жизненного успеха и облегчить воспитание детей. Жанр моральных наставлений не был абсолютно новым для Японии. Еще в VIII в. конфуцианский ученый и политический деятель по имени Кибэ Макиби (695—775), несколько лет проживший в

танском Китае и хорошо знавший его культуру, в подражание китайскому трактату написал в 769 г. собственное сочинение под названием «Хрестоматия нравов» («Сикё руйдзю»), которое считается первым японским произведением этого жанра¹¹. Сочинения такого рода продолжали эпизодически появляться и в период Хэйан, однако по-настоящему массовый характер их написание приобрело в XIII—XIV вв. и было связано с укреплением семьи и рода.

Среди семейных наставлений периода правления военно-феодалной аристократии наиболее древними и известными считаются трактаты, написанные в XIII в. в роду Ходзё. В частности, перу видного военачальника первой половины Камакура Ходзё Сигэтоки (1198—1261) принадлежат два: «Наставления Ходзё Сигэтоки» («Ходзё Сигэтоки какун»), написанное в 1237—42 гг., и «Записки в храме Гокуракудзи» («Гокуракудзи-доно сёсоку»), составленное автором на последнем году жизни, которая завершилась в стенах построенного им за два года до этого храма Гокуракудзи. Первая работа включала в себя 43 статьи и предписывала следующие нормы: «По всем важным вопросам советоваться с самыми старшими и мудрыми»; «В каком бы гневе ни был человек, убивать другого нельзя»; «В застолье уважать должно всякого, даже если он и беден»; «Напившись допьяну, где попало не ходить»; «Рассуждать людей надобно по справедливости»¹².

Второе сочинение было больше по объему (99 пунктов), но, как и первое, представляло собой набор не очень систематизированных сентенций морального и этикетного плана, рекомендуемых к неукоснительному соблюдению. Среди них следующие. «Поступать надобно так, как учат родители. Уважительно относиться к наставлениям других людей. Негоже класть себе угощения больше, чем гостю. Во всем следует соблюдать соответствие чину и заслугам человека. Надо проявлять сочувствие даже к ничтожно малому. Не следует игнорировать того, что говорят тебе жена и дети» и т.п.¹³

Особенностью моральных наставлений этого периода был постепенный отход на второй план, а затем и полное исчезновение абстрактных религиозных, идеологических и политических догм. Их место постепенно занимали вполне бытовые, морально-нравственные нормы поведения человека в жизни.

Следует отметить еще одно наставление, которое было написано влиятельным военным феодалом по имени Сибя Ёсимаса (1350—1410), занимавшим видные посты в военном правительстве периода Муромати. Его сочинение называлось «Тикубасё»¹⁴. В своей традиционной части оно ничем не отличалось от всех прочих и также требовало от жены беспрекословного послушания родителям, а затем мужу, почитания Будды и добродетельности в повседневной жизни. От других работ оно отличалось тем, что автор подчеркивал ответственность главы рода за его судьбу и сохранение чести. В соответствии с традициями самурайского кодекса *бусидо*, от главы рода для выполнения возложенной на него миссии требовались незаурядная сила воли и характера. О том, что включение требований к личным качествам главы рода было не случайным, говорит тот факт, что впоследствии эти требования в разных формах начали регулярно воспроизводиться в других сочинениях подобного рода. Например, известный военачальник и удельный князь Ходзё Соун (1432—1519), одержавший за свою долгую жизнь немало военных побед и не раз испытывавший горечь поражений, перед смертью изложил свои наставления в известном сочинении «Двадцать один пункт храма Соундзи» («Соундзи—доно нидзю-иккадзё»). Будучи ярким приверженцем учения Будды и научных знаний, он в конкретной форме завещал своим наследникам следующие нормы жизни.

(1) Следует поклоняться Будде.

(2) Вставать нужно непременно рано утром. Иначе невозможно будет добиться собранности от всех остальных, включая прислугу. Не умеющего контролировать себя оставят все, в том числе и сюзерен.

(3) Спать ложиться нужно не позднее восьми часов, вставать в четыре. Вымыться, опрятно одеться и раздать распоряжения на весь день домашним и прислуге. На службу отправляться в шесть.

(4) Вечером перед сном лично проверить источники открытого огня в помещениях. Осторожность с огнем должна войти в привычку. Кроме личного ежевечернего досмотра то же наказать прислуге. Учитывать, что женщины как простого, так и знатного рода часто бывают небрежны и не склонны соблюдать порядок. Отдавая распоряжения, не только полагаться на других, но и самому быть предельно аккуратным и собранным¹⁵.

Другой особенностью морального воспитания в семьях военно-феодальной аристократии, основы которого фиксировали семейные наставления второй половины средних веков, было усиление влияния конфуцианской идеологии, приведенной в соответствие с общественными потребностями того времени. Нормы конфуцианской морали имели не абстрактно-религиозный характер, а регламентировали поведение человека в типичных ситуациях и потому имели большое практическое значение. Что именно возводилось в ранг добродетели, хорошо иллюстрирует ставшее классическим наставление другого военачальника и одновременно известного знатока японской поэзии первой половины эпохи Муромати по имени Имагава Рёсюн (1326—1410?). Он составил свое наставление, состоящее из 23 отдельных пунктов и итоговой морали, в 1395 г., в возрасте 71 года. Сочинение имело довольно длинное название «Несколько наставлений Имагава Рёсюн сыну Накааки» («Имагава Рёсюн гусоку Накааки сэйси-но дзёдзё»), и вошло в исторические справочники под сокращенным наименованием «Имагава-дзё». Приведем несколько пунктов из него.

(1) Не овладев кистью, не овладеешь и оружием.

(2) Развлекаясь на охоте, не наслаждайся бессмысленным убийством живого.

(3) Не казни за мелкую провинность, не разобравшись в сути.

(4) Не закрывай глаза по-свойски на крупную провинность близких тебе людей¹⁶.

Значение семейных наставлений состояло в том, что они на протяжении столетий формировали основы морали и принципы семейного устройства «малых политических образований», которыми по существу являлись в то время феодальные кланы и семьи, борющиеся за выживание. Нравственные принципы закладывались в процессе семейного в широком смысле воспитания и действовали на протяжении всей жизни человека. Существовала и преемственность принципов такого воспитания, ибо правила преуспевающих кланов тут же заимствовались и распространялись. Воспитанные на этих принципах крупные общественные, политические и военные деятели постепенно, в течение многих поколений внедряли их в большую политику в рамках тех общественных групп и классов, в интересах которых они действовали. Именно в этот длившийся столетиями процесс постепенного формирования общественного сознания и системы моральных ценностей уходят своими корнями многие сегодняшние загадки и разгадки современного японского общества.

Таким образом, значение основ морального воспитания, изложенных в многочисленных семейных наставлениях той эпохи, оказалось для всего японского общества весьма серьезным. Одной из важных особенностей этого процесса было неуклонное возрастание роли и значения конфуцианских моральных ценностей, адаптированных к практическим потребностям общественной жизни.

Христианские школы

В пору религиозных реформ в Европе, пришедшихся на XVI — первую половину XVII в., в Японию с миссионерскими целями один за другим начали прибывать представители римской католической церкви, в основном из Испании и Португалии. В Японии возникают католические христианские общества —

Общество Франциска, Общество Доминика, Общество Иисуса. Наибольшая активность католических конгрегаций в Японии приходится на вторую половину XVI в. По данным Шеллинга, к этому времени в 200 христианских обществах состояло около 150 000 японцев, с которыми работали 59 миссионеров из Европы¹⁷. Наиболее активной была деятельность Общества Иисуса, которое уже к середине XVI в. стало заметным явлением в сфере религиозного просвещения.

С целью расширения круга своих сторонников христианские миссионеры начали открывать начальные школы для детей. Первая такая школа появилась в Японии в 1580 г., в местечке Арима (современный город Кита-Арима в префектуре Нагасаки). В следующем, 1581 г. было открыто сразу несколько школ, в том числе в городах Нагасаки и Фунаи (современный город Оита, столица одноименной префектуры, расположенный в северо-восточной части острова Кюсю). По сохранившимся материалам, в одной из таких школ учились около 70—80 учеников, занятия проходили в две смены. Отличительной чертой христианских школ было совместное обучение мальчиков и девочек. Даже в самых демократичных по тем временам школах при буддийских храмах *кангакуин* с элементами светского обучения девочки встречались крайне редко, и принцип раздельности обучения соблюдался строго. В христианских школах детям давали начальные знания по математике, философии, логике, риторике, медицине, астрономии¹⁸.

Христианские миссионеры внесли свой вклад в распространение грамотности среди простого населения. Они в массовом порядке начали составлять и издавать учебники начальной грамоты, двуязычные словари и пособия по грамматике японского языка¹⁹. В христианских школах кроме основ вероучения и «европейских наук» детей знакомили с японской классической литературой. Некоторые произведения специально переписывались для этого латинской транскрипцией *ромадзи*. В результате их деятельности латинская транскрипция вошла в фонд японской письменной культуры. Среди преподаваемых в христианских школах предметов были история и культура Японии, кодекс чести самурайского сословия. С учетом сложившейся традиции учить детей грамоте на эпистолярных образцах, европейцы в 1568 г. составили собственный сборник «Кириситан орай», состоящий из 9 пар письменных посланий, среди которых встречались и весьма своеобразные. Например, там можно было обнаружить и образец сопроводительного письма к посылаемому подарку вместе с ответом на него, и адресованное настоятелю прошение о разрешении переночевать вне монастырских стен, и прошение об аудиенции у князя. Пособие составлено по образцу ставшего классическим сборника «Мэйго орай», но содержит приметы своего времени.

Пик просветительской деятельности европейских миссионеров пришелся на 80-е годы XVI в. Созданные ими школы располагались в основном на острове Кюсю и в районе города Нагасаки. Число учеников, прошедших через них, было не очень велико в масштабах страны, но тем не менее усиление влияния христианской культуры вызвало недовольство правящего дома Тоётоми, и в 1587 г. сёгун Тоётоми Хидэёси издал состоящий из 5 пунктов указ о запрещении христианского образования. После этого работа школ начала быстро сворачиваться, и к 1612 г. они остались только в портовом городе Нагасаки. С изданием указа о прекращении контактов с иностранными государствами в 1639 г. школы эти окончательно исчезли.

За полвека активной работы европейским миссионерам удалось многое сделать. Они заложили основы распространения христианства в Японии, приобщив к нему тысячи простых японцев. Преследуя свои собственные цели, они тем не менее объективно способствовали повышению общей грамотности и культуры в наименее образованной части японского общества, в чем и состоит их историческая заслуга.

- ¹ Подробнее см.: Такахаси Тосинори. Кинсэй гакко кёйку-но гэнрю (Становление школьного образования в новое время). Нагасава кинкодо, 1943. С.54—269.
- ² Encyclopedía Nipponica 2001 (Большая японская энциклопедия, электронный вариант) Сёгакукан, 1995. Т. 1—26.
- ³ Кокуси дайджитэн (Большая историческая энциклопедия). Т. 1, Ёсикава кобункан, 1986. С. 177.
- ⁴ Там же. Т.10. С. 459.
- ⁵ Указ. соч. Такахаси Тосинори.
- ⁶ Комацу Хидэо. Ирохаута. Нихонгоси-э-но идзанаи (Ироха-ута: приглашение в историю японского языка). Тюко синся, 1979. С.95—98.
- ⁷ Там же. С.106—107.
- ⁸ Исикава Мацутаро. Кодай кокка то кёйку (Древнее государство и образование) — Сэкай кёйкуси тайкэй (Серия: история мирового образования, под ред. Сатору Умэнэ). Т.1. Коданся, 1976. С.41.
- ⁹ Там же. С.100.
- ¹⁰ Накаэ Тодзю. Кансо. Т. 4 (цит. по: Исикава М. Указ. соч. С.120).
- ¹¹ Encyclopedía Nipponica 2001 (Большая японская энциклопедия, электронный вариант) Сёгакукан, 1995. Т. 1—26.
- ¹² Исикава М. Указ. соч. С.75.
- ¹³ Там же. С. 75.
- ¹⁴ Иноуэ Тацудзиро, Саэки Ариёси и др. Бусидо дзэнсё I (Полное собрание кодекса чести бусидо, т.1). Тикубасё. Дзидайся, 1942.
- ¹⁵ Сугияма Хироси. Ходзё Соун. Мэйтё сюппан, 1976.
- ¹⁶ Кавадзоэ Сёдзи. Имагава Рёсюн. Ёсикава кобункан. 1988 (Цит. по: Исикава М. Указ. соч. С.79).
- ¹⁷ Шеллинг. Нихон-ни окэру Ясокай-но гакко сэйдо (Школьная сеть Общества Иисуса в Японии). С.229.
- ¹⁸ Симмура Идзуру. Нихон кириситан бункаси (История христианской культуры в Японии); Симмура Идзуру дзэнсю (Полное собрание сочинений Симмура Идзуру). Т.6. Тикума сёбо, С.435—440.
- ¹⁹ Boxer C.R. The Christian century in Japan, 1549—1650. Berkeley: University of California Press. 1951. С.190—198.

Summary. The article by Alexander Prassol focuses on the medieval stage in the development of the Japanese educational system. By that time the previous age of highly centralized education, formed under the great influence of Chinese civilization, had been completed and Japanese education entered a new period, when Confucian philosophical values and traditions were modified to suit Japanese circumstances and ideals. In accordance with new demands, new educational and enlightenment facilities were established. They are represented by *gakumonjo* (residences for receptions, ceremonies and studies), *kangakuin* (temple schools) and *bunko* (book depositories). All of them had their own special features which are described in the article.

Some attention is paid to certain aspects of family moral education among the samurai warriors, the most powerful class in Japanese feudal society. Several patterns of the «family moral preceptions» (*kakun*) are given.

Handbooks with epistolary patterns (*oraimono*) were very popular among the feudal priesthood and mobility. *Oraimono* were widely used not only as manuals for writing letters, but also as textbooks for reading and writing. Some descriptions of well-known *oraimono*, and the role they played in communication during medieval age in Japanese society, are also presented in the article.

In the 16th century Japan went through a period of increased contact with the Western world. Jesuit missionaries from Portugal, Spain and The Netherlands, who arrived with Portuguese traders, made a noticeable contribution to the education of the commoners. Besides religious materials, they also published Japanese dictionaries, grammars, and textbooks for use in church schools.